

Лина Богданова

БЕЛОСНЕГОВА и 27 ГНОМОВ

Роман

МИНСК
«БЕЛАРУСЬ»
2019

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44
Б73

Богданова, Л.

Б73 Белоснегова и 27 гномов : роман / Лина Богданова. — Минск : Беларусь, 2019. — 160 с.

ISBN 978-985-01-1299-6.

Казалось бы, что сложного в работе обыкновенного сельского участкового? Народ в деревне смиренный, разве что выпьют лишнего да велосипед уташат. Живи, казалось бы, да радуйся... Примерно так и думал Владимир Варварин, осваивая просторы своего участка. Да тут на пути оказались обделенные судьбой старики под руководством весьма странной, если не сказать эксцентричной, особы. И заварилась каша — только успевай расхлебывать. Но все-таки бравый старший лейтенант вплотную приблизился к разгадке. И... запутался окончательно. Нелегкое это дело — выбор. Даже в такой обыкновенной истории...

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бел=Рус)-44

Литературно-художественное издание

Богданова Лина

БЕЛОСНЕГОВА И 27 ГНОМОВ

Роман

Редактор *Ю. А. Оверченко*

Художественный редактор *Е. И. Бужинская*

Технический редактор *Ж. М. Боровская*

Корректоры *Н. Г. Баранова, Л. К. Семенова*

(12+) Подписано в печать 21.03.2019. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 700 экз. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/4 от 09.07.2013.
Пр. Победителей, 11, 220004, Минск. <http://belarusbook.by>

Открытое акционерное общество «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/3 от 10.09.2018.
Ул. Корженевского, 20, 220024, Минск, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-01-1299-6

© Богданова Л., 2019
© Оформление. РУП «Издательство
«Беларусь», 2019

Глава 1. ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Иннокентию Дрынде не спалось. Какое там спать, когда природа шепчет... Эх, дернул же его черт поселиться у черта на куличках! Сидел бы себе в городе — там и девочки на каждом шагу, и забегаловки на любой вкус. И братья по разуму. А здесь...

Иннокентий поднялся, нащупал шлепанцы. Вышел на веранду. Благодать!

Темно-синий купол неба был щедро усыпан веснушками звезд. Такого в городе не увидишь. А запах — хоть пей! И ведь не хуже джина или там виски какого-нибудь действует! Три глубоких вдоха — и голова кругом. «Еще бы Вареньку сюда... Для полного счастья...»

Дрында вздохнул. Опять эта Варвара! Клином на ней свет сошелся, что ли? «Нет, что ни говори, а давненько в городе не бывал. Пора, брат, наведаться. Подыскать девочку-конфетку, оторваться по полной. И для души полезно, и для тела. А эту фифу мы еще успеем к рукам прибрать. Не испортится... И не денется никуда.»

Дрында хохотнул в охотку — с юмором у него всегда был порядок. Зачерпнул из стоявшего на крыльце ведра горсть холодной воды, вылил на холку. Встрепенулся: красота! Сладко потянулся и спустился во двор. Нырнуть разок, что ли? «А че б и не нырнуть? Бассейн для кого строил? Для себя! Вот и пользуйся! А я че? Я ниче. Я и пользуюсь! — Иннокентий скинул шорты и бросился в воду. Хранившая дневное тепло вода мягко приняла тело. И выбросила на поверхность у противоположного бортика. — Можем, если хотим! Еще как можем!»

Два пролета он преодолел одним махом. На третьем запыхался. «Маловато тренируюсь, а форму держать надо! Для той же Варьки хотя бы, будь она неладна! Ни днем, ни ночью прохода не дает! Одно слово: ведьма!»

Купание в одиночку начало раздражать. И че как дурень среди ночи резвиться? Дрында матюгнулся и кряхтя вылез из воды. «На фирму наведаться, что ли?»

Мысль понравилась. Не признаваться же самому себе в собственной слабости! «Варьку ему захотелось увидеть, как же! Спит давно твоя краля. Сто лет ты ей нужен! А так — и о бизнесе позаботишься, и на зазнобину хатку взгляд кинешь... Два в одном — достойное

решение проблемы! — снова хохотнул Дрында. — А там, глядишь, и уважительную причину для визита придумаю, не первый раз замужем...»

Он натянул на мокрые плавки шорты, стянул с веревки постиранную с утра домработницей Валею футболку, провел расческой по вихрам. Порядок! Майка куплена в столичном бутике, шорты — в Черногории, мотоцикл чуть ли не по спецзаказу сделан. Куда ни ткни — завидный кавалер! И чего девка носом крутит? «Цену, видать, набивает, — в сто двадцать пятый раз решил Иннокентий. — И на здоровье! Так даже интереснее: аппетит нагуливается. И вообще... Ну че б я с ней делал, если б сразу поддалась? Ну, свадьбу сыграли бы, ну, в декрет бы собралась... и весь интерес. Не-ет, нам по-простому не в кайф. Нам с фантазией надо. Знает Варька, что делает...»

Дрында вывел мотоцикл на дорогу и ударил по газам. Стальной конь не заставил себя упрашивать, завелся с пол-оборота и оглушил хозяина мощным ревом мотора. То-то же! Знай наших! Нефиг дрыхнуть, одиннадцати нет — время детское!

За деревней Иннокентий пустил своего скакуна во весь опор. Минут десять — и он будет на месте. Пробежится по корпусам, навестит сторожа. И к Варьке!

Дорога петляла среди холмов, кое-где прорезая молодой соснячок с маслятами. Иннокентий даже сглотнул, вспомнив вкус маринованных грибочков. Сходить, что ли? Валентина говорила, что намаринует по новому рецепту...

Впереди открылась блестящая гладь озера. Картина впечатляла. Даже не падкий на природные красоты Дрында не удержался: придержал коня на повороте, охнул, снова матюгнулся. Выражал свои чувства как умел. Ничего, что не слишком романтично, зато искренне. И в тему. «И че этих придурков на городе клинит? Сплошь пылюга, за домами неба не видно. Куда ни плюнь, одни конкуренты. А тут... что небо, что вода, что земля — так бы и умер от... — не найдя подходящего слова, Дрында выругался: — А вот от всего этого и умер бы!»

Со словами у него еще в школе были проблемы. А вот с выражениями — никаких. Че там думать? Выбрал подходящее и выдал. А не нашел подходящего — выдал что на ум пришло. И все дела! А кому не нравится — не держим. Мы, как это, блин, чтоб вспомнить... самодостаточные... во! Точно! Иннокентию нравилось запоминать всякие заковыристые словечки. И вставлять их в разговор. Пацаны млели. Даже Варька поглядывала с интересом. Блин! Опять двадцать пять! И далась же...

Он соскочил с мотоцикла и спустился к берегу. «Никуда не поеду! Очень надо! Вот тут ночь просижу! А че? Погодка что надо. Птички поют. Лягушки квакают. Камыш опять же...»

И запел дурным голосом:

— Шумел камыш, деревья гнулись...

И тут же почувствовал, что не катит. Ну, не подходит песня под общую картину. Хоть плачь, а не подходит... «Ага, щас! Вот так взял и заплакал! Не подходит ей, видите ли! А че подходит? Может, Моцарт? Или Левитан? Или Левитан не из той оперы? Да Бог с ним! Главное, что Моцарт из той. Сто пудов из той!»

Откуда-то потянуло запахом дыма. Наверное, ботву жгут. Только почему ночью? Да, этих деревенских не поймешь: то поднимутся ни свет ни заря то в восемь спать ложатся, а то среди ночи хозяйством занимаются. Дела...

Иннокентий давно привык к противоречивости своих чувств. Что поделаешь — натура! Сегодня одно, завтра — другое. С точностью до наоборот. А послезавтра... нет, до послезавтра он не дотягивал. Чего морочиться столь отдаленным будущим? Ему б с настоящим справиться. Тяжело одному...

Вот с этого самого и обосновался Иннокентий в деревне. Приехал как-то племянника проведать. Бедолага лет в пятнадцать съехал с катушек: то с балкона прыгнуть норовил, то с моста кинуться. А еще приноровился стихийные бедствия на дому устраивать: то воду пустит, то газ. До пожара дело не доходило — огня племяш боялся. Но и без него проблем хватало.

Сеструха Кешина Танюшка намаялась с пацаненком капитально. Мужик от лишних проблем убежал к другой. Мать с никаким здоровьем была девке не помощница. Кеша, конечно, помогал. Но только деньгами. Не сидеть же ему с пацаном замороченным!

А тут у Таньки ухажор появился. Серьезный мужик. И намерения у него серьезные оказались. Танюха туда-сюда, а Егорку не бросишь. Уж она и ревела, и судьбу кляла... сама чуть с балкона вместе с сынком не бухнулась — до чего дошла девка...

А потом соседка посоветовала в Долгую мальчишку отправить. В интернат. А чего? Не век же с придурком вековать... Кеша на разведку съездил. Условия хорошие, природа опять же. Лес кругом, сады цветут, озеро, река рядом. Курорт! Уговорил сеструху. Пообещал навещать парня. Ну и навещал. А кому ж еще? Сестрица на радостях со своим хахалем за границу укатила. Иннокентий не проиграл: квартиру ему отписала. А денег на бизнес новый зять дал. Беспроцентный заем — во как! И с людьми полезными свел. Бери, мол, шурин, пользуйся! На всем готовом! Главное было в дело включиться. И Кеша включился без проблем. Окончил заочную школу бизнеса, помощника опытного подыскал. И пошло, и поехало. За три года с долгами рассчитался, филиал открыл, вошел во вкус...

А прошлым летом приехал в Долгую к племяннику. День выдался погожий, к полудню припекло аккуратно. Егорка на речку попросил-

ся. Ну отчего бы не отвести парня к воде? Кеша и сам бы освежиться не прочь.

До реки они так и не дошли. На пути встретилось озеро. На берегу песочек желтенький, будто кто специально просеивал — песчинка к песчинке. Дно чистое. Вода прозрачней фирменной водки — каждый камешек, каждого малька видать. Ивы к самому озеру подступают, косы свои в волнах полощут. Чисто сказка!

Доплыли они с Егоркой до островка на середине озера. Выбрались на бережок. А вид-то какой! Поля кругом, леса, луга заливные. Картина маслом! У Кеша дух захватило. Вот поселиться бы где! Домишко соорудить, жену завести, кур, гусей, детишек опять же...

После поездки места эти чуть ли не каждую ночь сниться ему стали. А город, как нарочно, в ту пору стоял солнцем выжженный. Трава и та пожелтела. Листья на деревьях скукожились, побурели. Дождя не было уже дней десять, и улицы словно поседели от пыли. В форточку вместо свежего воздуха влетали резкие звуки, тополиный пух и все та же надоедливая, всюду проникающая пыль.

Кеша чертыхался, плотно зашторивал окна, принимал душ по пять раз на дню, скупил в округе все дезодоранты. И отчаянно заскучал по озерцу в деревне Долгая. В конце концов не выдержал и в первые же выходные навестил племянника.

— Ты че так часто? — не веря своим глазам, спросил Егорка.

— А соскучился...

— Ищи дурных. Может, влюбился?

— Ага! В твою соседку.

Соседкой Егорки была баб Люба, дородная смешливая старушонка, переселившаяся в блок к племяншу по собственной инициативе. Баб Люба попала в интернат после гибели сына. Тоже Егора. И всерьез уверилась в том, что душа сына переселилась в тело худенького светлоголового юноши. Носилась с Егоркой как с писаной торбой — все гостинцы отдавала мальчишке, штопала носки и читала сказки на ночь.

Медперсонал сначала оказал сопротивление несанкционированному сожительству. Однако, заметив благотворное влияние баб Любы на беспокойного пациента, махнул рукой. Живут — и пусть живут. Абы тихо. Тем более что в палате имелась перегородка, при известном желании вполне сходящая за стену. Вот и получилось, что в палате, где жили Егор с соседом, появилась пристройка с ново-явленной мамашей.

Подробности «семейной жизни» поведала Кеше сама баб Люба. И предупредила:

— Ежели сотворишь какую пакость ребенку, пеняй на себя: из-под земли достану! Мое слово — закон.

Словом, объявилась у Егорки новая мамаша. А у Кеши — дополнительные хлопоты. Приходилось закупать гостинцы сразу на двоих. Тут уж ставил условия Егорушка. Причем с фантазиями. То по семечкам баб Люба затосковала, то по арбузу астраханскому. А кто его разберет, астраханский он или челябинский? Черноусые торговцы в один голос утверждали то одно, то другое. И верить им Кеша не собирался.

Теперь еще и любовь...

Егорка, даром что психический, а в любви разбирался. Погрозил дядьке пальцем и тут же сходу припомнил всех молоденьких сестричек, работающих в интернате. И двух кухарок средних лет. А немного поразмыслив, добавил недавно прибывшую девицу, социального работника:

— Тоже ничего себе девчонка. Только длинная больно. Зато с косой.

Короче, от обилия невест голова у дядьки пошла кругом. И он выпросил племяннику «увольнительную» до ужина.

— Невест мы, Егорка, потом переберем. А купаться сейчас поедем.

Лежа на облюбованном островке посреди озера, Кеша тихонько посмеивался над племянниковыми заморочками. «Надо же — без меня меня женили! Только медсестер из психушки Кеше не хватало для полного счастья. И социального работника с косой. Нет уж, премного благодарны! Мы и в городе себе супругу подберем. Когда придет время...»

Зато окрестности деревни ему нравились. Простор! Опять же вода рядом. Свалка неподалеку — видел, когда мимо проезжал. Тоже место полезное... Дорогу от шоссе совсем недавно проложили. Знатная дорожка! Асфальт — что чернозем! И ни одной колдобины — депутат местный постарался.

И о льготах сельским предпринимателям Кеша вспомнил. И о дешевом жилье не забыл. Разве в городе с его капиталами особняк построишь? А тут — в любом месте, с любым размахом. Было бы желание.

И главное, рук рабочих полным полно. Народ за любую зарплату согласен вкалывать с утра до ночи. Неудивительно, что мужики зимой от скуки на стену лезут. Да и летом не лучше. Трактористы, шофера да механики при делах, остальные... «А не построить ли мне здесь филиальчик? Производство не так чтобы очень грязное. Если что, взятку дам местному начальству. Опять же милицию прикормить можно. Неизбалованная здесь власть — носом чую».

Походил по кабинетам в районе. Опять же не с пустыми руками. Связи свои подключил. Выхлопотал аренду в старой школе с правом

дальнейшего выкупа (сам по себе выкуп сто лет ему был нужен, но для солидности не помешает...).

И дело закрутилось. Станки закупили и установили в месячный срок. К ноябрьским праздникам получили первую партию обоев. К Новому году Кеша — теперь Иннокентий Игоревич — подписал договор об аренде пустующих площадей колхозного склада — гулять так гулять! И положил глаз на интернатскую пристройку.

А что? Вполне подходящая площадь для производства, хоть клеевых растворов, хоть ламината. Арендная плата — смешно сказать. В городе за эти деньги разве что биотуалет снимешь с одним очком. А тут — раздолье!

И складывалось поначалу все замечательно. И кадры подобрались без проблем. И продукция раскупалась неплохо. Домик Иннокентий за два месяца отстроил, шикарный, в два с половиной этажа — проект с наворотами. Двор — по евростандарту, девчонки-флористки две недели клумбы до ума доводили. А деревья Дрында аж из Варшавы привез. Ну и печь на кавказский манер умельцы ему соорудили, бассейн с подогревом... Как в лучших домах...

Прятели городские теперь локти кусали: обскакал их новичок, по всем позициям обскакал! Кое-кто, не простив Иннокентию чрезмерной лихости, из друзей перешел в оппозицию. Кое-кто пытался записаться в компаньоны. «Больно надо! Пускай себе в городе штаны просиживают. Нам и без компаньонов неплохо.»

Ссориться Иннокентий, конечно, ни с кем не стал. Городские дела так и решал кагалом. А в Долгую приятелей звал только по праздникам: погуляли — и бывайте здоровы.

А потом начались проблемы. Как раз с интернатских площадей все и началось. Дрында, не будь дураком, вместе с пристройкой себе кусок сада отрезал. А че? Его работникам тоже отдыхать где-то нужно! А сад у инвалидов громадный и запущенный до безобразия. Ни дорожек тебе, ни беседок, трава в пояс, деревья старые вперемежку с молодняком растут. Непорядок. Старые яблони и сливы он на своем участке сразу вырубил. Дорожки проложил из тротуарной плитки. Беседку устроил, мангальчик. Вот это дело! Лета ждал, чтобы пенки с нового местечка слизать. И дождался.

Сначала Егорка заныл: зачем да зачем сад у интернатских отнял. Иннокентий и так ему объяснял, и этак. Ноль эмоций. Ну и послал родственничка куда подальше. Совесть надо иметь! Он же всем этим престарелым и инвалидам первый помощник: то дров подкинет, то подарков к Новому году навезет. Обоев опять же... на целый корпус! Вот так просто взял и подарил! Ну и что, что за машину главврач своими кровными рассчитался. Обои некондиционными оказались — всю партию новички запороли. А подарки баптисты за красивые

ки. Чтоб не лезла, куда не просят. Так ведь просили... А не то сама бы навязалась, знаю я тебя...»

А потом их взгляды встретились. Как в сентиментальном женском романе. И он поплыл. Куда? Не имело значения. А что имело? Не сказать словами... да и не до слов было... Они стояли и молчали целую вечность. Вне времени и пространства... И это очень нравилось Варварину... Так бы всю жизнь... стоять и смотреть...

«Но ведь существуют и гораздо более интересные формы взаимоотношений, — напомнил он себе в момент отрезвления перед очередным погружением. — Кажется, совсем недавно кто-то уже погружался... Хотя и не туда... Или туда? Боже, о чем я думаю?»

Слова, мысли, ощущения вертелись перед глазами пьянящим водоворотом. И повсюду, в каждой точке, в каждой букве, в каждом вздохе проявлялась Варвара. Ее глаза, ее губы, ее запах, ее... все... Он точно знал, что и на той стороне мира происходит примерно то же самое. Об этом говорили, да что там говорили — вопили — и выплескивающиеся из глаз потоки чарующей зелени, и дрожь пыщущих жаром губ, и пробивающийся сквозь время и пространство румянец, и все то, что, не поддаваясь описанию, исходило от нее, не оставляя сомнений...

Уже были не нужны слова. Все казалось понятным без них. Следовало переходить к решительным действиям. И Владимир шагнул вперед, едва не споткнувшись о заинтересованно следившую за развитием событий недавнюю соперницу. Та дурой не была — отошла в сторону, вытянув из рук мужчины недоеденные цветочные стебли.

Поцелуй благополучно завершился ближе к вечеру. Солнце закатилось за горизонт и даже успело свернуть свое яркое закатное покрывало. Коза, устав любоваться чужим счастьем, занялась собственным, отбив восвояси точно по расписанию. На небосводе зажигались первые робкие звезды...

— Мы сошли с ума? — поинтересовалась Варя, опускаясь на траву, — кажется, ее ноги требовали отдыха. — Неужели, это со всеми бывает?

— Не спрашивал... — прохрипел Владимир, жаждающий продолжения отношений. Здесь и сейчас. Была б его воля, он бы показал, как выглядит настоящее сумасшествие!

— Но как же... у меня, например, *такого* еще ни разу не случилось... Хотя и целовалась... пару раз... и вообще... — Она вызывающе дернула плечиком.

И Варварин понял, что досталась ему полная дурочка, в амурных делах, разумеется. А посему пришлось в срочном порядке тормозить пятками... Только бы не вспугнуть... не перегнуть палку... «Беда с этими девственницами, — проворчал он, умиряя своих драконов. — И нечего тут радоваться! Ишь, губы раскатал...»

А губы действительно раскатывались — в дурацкую самодовольную улыбку, грозящую миновать уши и выползти на затылок. И душа уже не пела — горлопанила во всю ивановскую. И руки жадно обвинялись вокруг обретенной собственности, которую теперь он никогда, никому и ни за что не уступит...

— И что же со всем этим делать? — жалобно пропищала недавняя гражданка Белоснегова, доверчиво прячась в складках форменного кителя, рубашки, чего-то еще... такого теплого, надежного... родного...

— Как что? — билось под ухом родное сердце. — Жениться, конечно! Скоро свататься приду...

— Свататься? — глупо хихикнула Варвара. — Только без меня! Этот этап я уже пережила один раз. Не хочу больше...

— А это и к лучшему. Побездействуй для разнообразия. Все остальное я беру на себя...

— Попробую... если ты не боишься...

— Боюсь? А ведь боюсь, честное слово, боюсь! В покое — ангел, в гневе ты страшна... Вернее, в противодействии.

— А как ты смотришь на содействие?

Кажется, это уже было в его прошлой жизни. И, кажется, не раз. Оставить? Или настоять на своем? Владимир улыбнулся улыбкой искусственного прекрасным полом мачо:

— Мы не ищем легких путей. Тут я совершенно согласен с нашим северным гением: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача».

— Ну-ну, Ломоносов, действуй! Только, чур, без обид...

Поначалу Варвара строила козни. Разумеется, в уме. Вынужденное бездействие ей понаравилось. Лишь затаившаяся в глубинах естества женская вредность выныривала на поверхность, предлагая всевозможные мелкие пакости. То ей хотелось уехать в Турцию накануне появления Владимира в родительском доме. То, памятуя о болезненной реакции на Ларискины эксперименты, вырядиться в супер-мини (скучающее в шкафу вечернее платье) и супер-макси (см. там же, полкой ниже — босоножки на «любимых» Варвариним шпильках и платформах, эту фишку она просекла еще на первом допросе), соорудить что-нибудь подходящее на голове и явиться на свидание с его родителями. То заказать свадебный ужин в казино или в горном ресторанчике на Кавказе, где Варе посчастливилось как-то провести вечер. То... Ах, как же много было этих «то» в трех неделях, отпущенных ей Владимиром для подготовки к свадьбе.

Но радовалась она этим смелым взрывам фантазии в гордом одиночестве. И тут же спешила увидеть любимого, услышать, чем-то порадовать... Слишком наслаждалась она своим нечаянным счастьем.

И все больше верила, что влюбилась в Варварина с первого взгляда. Более того, уверенность в том, что это чувство оказалось взаимным и синхронным, уже не требовала никакого подтверждения.

В общем, Варя бездействовала до памятного ноябрьского дня, блаженствуя от ощущения полной защищенности. Как же приятно, оказывается, быть ведомой, позволять решать за себя и благосклонно принимать эти решения. Возможно, это касалось лишь человека, которому ты доверяешь. А возможно, каждому сильному человеку порой так хочется побыть немного слабым... Особенно если слабость успешно компенсируется надежностью, верой и любовью. Любовь вообще штука чрезвычайно приятная... если повезет. Похоже, Варваре Белоснеговой повезло. Видимо, даже очень...

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЭПИЛОГ

Весна в Долгой выдалась необыкновенно теплой. Уже в апреле сельчане забыли о верхней одежде, нарядившись в расписные сарафаны и клетчатые рубахи. Ребяшня то и дело срывалась с уроков и бежала к озеру. Самые смелые уже барахтались в холодной воде.

В палисадниках буйно зацвели тюльпаны, ландыши, наливались бутоны пионов, кружил голову аромат сирени.

Баб Люба выставила на стол в беседке гору пирожков с яйцами и зеленым луком, расправила складки на переднике и пожаловалась собеседнице:

— Яблочек же нет. А мой Егорушка больше с яблоками любит...

— А хочешь, я тебе сушеных принесу? У меня с зимы полмешка осталось. Из сушеных начинка — пальчики оближешь!

— Сушеных? Да как же я сама не догадалась! — всплеснула руками баб Люба. — Морила ребенка голодом: то с яйцами, то с повидлом, а он так яблочных просил...

— Как он там?

— Да ничего, привык... Марьяныч его по вечерам на прогулку выпускает. Жалеет... К середине лета обещает к нам перевести, чуть раньше срока — за хорошее поведение. Комиссия из области приедет, будут решать...

— Досталось парню...

— Он понимает, что за всех пострадал. Батюшке наемни каялся, мол, гордится, что взял вину на себя, грешен... Хороший он у меня, жаль, что больной... А то б как твой — женился бы, деток народил...

Из-за угла выдвинулась странное сооружение, отдаленно напоминающее всадника на лошади, скорее, на пони. Оно двигалась рывками, качалось из стороны в сторону, трубило и визжало одновременно... Если только вообще сооружения могут визжать и двигаться...

— Привык уже зять-то?

— Привык... — Лидия Викентьевна, сплетя руки на груди, с нескрываемым удовольствием провожала взглядом зятя с правнуком на спине. — Вовчик у нас такой самостоятельный! Да и самому отдохнуть не мешало. Хотя какой с ребенком отдых...

Они помолчали. Особых комментариев не требовалось. Все уже было говорено и переговорено не раз. Интернат с повышенным вниманием следил за событиями семейной жизни Варвариных, чувствуя личную причастность к каждому ее эпизоду.

Всем миром переживали предсвадебную суматоху. Что-то советовали, в чем-то сомневались, что-то замалчивали. Жалели, что свадьба состоится в городе, хотя отнеслись к решению молодых с пониманием.

Оказалось, что мир действительно тесен: родители Владимира жили на соседней от родного дома Вари улице, будущие молодожены ходили в один детский сад и, вполне возможно, пересекались в детстве. И не раз... Их многое связывало. Музыкальная школа номер два, стадион, дискотека «Флинт», ледовый дворец — привычные развлечения городской молодежи микрорайона, любимое кафе «Романтика». Там и сыграли свадьбу. На этот раз обошлось без Ларискиных фантазий, скромно и весело.

Медовый месяц молодые провели в сторожке в Болотном лесу. Уложились в отведенные три дня. Парились в баньке, топили печку, рыбачили, гуляли по тихому уснувшему лесу, долго сидели по вечерам у огня, нежничая и рассказывая истории из жизни. И любили друг друга.

Варя смущалась — сексуального опыта у нее не имелось. Разве что из теории... Владимир отнесся к «проблеме» с пониманием. Набрался терпения и начал с азов. К концу уединения они добрались до середины пути.

— Самое интересное впереди! — заявляла Варвара на обратном пути. И тут же отчаянно краснела, плохо представляя себе, как это «самое интересное» осваивать под боком у бабушки.

— Разберемся! — хохотал Владимир, прижимая жену к себе. И пытался доказать постулат на деле прямо в лесу. Варя увертывалась, пряталась за березовыми стволами, грозилась уйти на болото. И поддавалась...

А потом все начиналось снова. И казалось, что дороге не будет конца. Как и погожему ноябрьскому дню, и повеселевшему в лучах солнца предзимнему лесу, и милым семейным радостям...

Беременность проходила легко. Никаких интоксикаций и, чего боялись мама с бабушкой, аллергических осложнений. Малыш появил-

ся на свет в том же родильном доме, что и мама. Четыре килограмма, пятьдесят три сантиметра.

— Есть в кого, — одобрительно качали головой врачи. — Что мама, что папа — любо-дорого поглядеть. Не забывайте, заглядывайте почаще!

— Обязательно! — важно раскланивался молодой папаша.

— Вот сам и пойдешь! — шипела на него супруга. И ту же смешила гнев на милость — соскучилась по своему легкомысленному старшему лейтенанту.

— Варь, ты бы до лета дома пожила, — просила мама, покачивая колыбель внука. — Дай хоть нам потешиться!

— Лучше вы к нам переезжайте, места всем хватит. А Вовочке свежий воздух нужен. Мой Варварин там без нас скучает. И бабушка ждет не дождется правнука. Да и я начинаю задыхаться.

И они поехали в Долгую вчетвером. До самой осени. А потом...

Потом дал о себе знать Поварков. С делом о поджоге. Майор распутал предложенный Владимиром клубок в своем, поварковском духе. Связал цепочкой отысканные старшим лейтенантом вещественные доказательства. Акцентировал внимание на родственных связях и обоюдной выгоде злоумышленников. Добился признания от «подельников». Выдал молчание Егора за согласие...

Дело получило широкую огласку. И хотя признание Эраста Котикова и Яна Глинского имели относительный характер, а показания Егора Ломтева не имели силы, суд отправил дело на доследование, а потом и вовсе прекратил за недостатком улик. Иннокентию пришлось повертеться, чтобы не попасть за решетку. А страховая компания, от лица которой действовал Поварков, докопалась до нелегального сбыта спасенной во время пожара партии обоев. Поднажала на мошенника и нашла возможность взыскать с погорельца материальный ущерб от пожара, судебного процесса и прочих всплывших на поверхность затрат.

Как и предполагалось, связи и деньги позволили Иннокентию остаться на свободе. Откупившись от кредиторов, он переехал в соседнюю область, где занялся налаживанием полезных связей и реабилитацией фабрики. Судебное разбирательство длилось около года. Компания отсудила особняк бизнесмена, приусадебный участок и катер.

Варварину приходилось еженедельно выезжать в город. Командировка следовала за командировкой. Поварков прицепился пивявкой: то тут требовал помощи, то там... И Варвара не выдержала:

— Знаешь, Вов, а мне на работу выходить надо. Проект без меня горит. На сто двадцать семь миллионов. Будь другом, иди-ка ты в

декрет. Посидишь, сына подрастишь. Малышу мужского внимания не хватает. А заодно и из дрындовского дела выйдешь. Обойдутся. Нашли дурака... Тебя же твой компаньон доведет до белого каления. Вот посмотришь, если у них не сложится, все на тебя спишут. Да и лишние допросы тебе ни к чему...

— Но как же... да и смеяться все будут...

И Варя пошла с главного козыря:

— А будешь умницей, я тебе девочку рожу...

— Вареньку? — встрепенулся Владимир.

— От скромности мы с тобой точно не умрем!

И теперь молодой папаша наслаждался общением с сыном. Зависал в интернете на полночи, что-то читал, что-то ремонтировал в доме и во дворе, встречал с работы супругу и рыбачил на зорьке. Дела участка вел молоденький лейтенантик, ожидающий постоянного места по соседству — тамошний участковый собирался на пенсию. Владимир порой помогал парнишке, но держался в стороне, с трудом отходя от последствий дрындовского дела. В принципе, он был даже не прочь посидеть в декретном отпуске два срока. И только трепетное мужское самолюбие сбивало вкус сладости от вынужденной свободы.

— Сиди уж, друг ситный, — говаривала в часы смятения бабушка Варвары. — Дай Варьке на благо человечества подержать. Видишь, как дело развернулось. Того и гляди, станет наша Долгая брендом района, а то и самой области...

Человечество энергично поддерживало Лидию Викентьевну. Ежедневно составлялись отчеты и прожекты, воспевалась хвала несравненной Варваре Владимировне, демонстрировались достижения, обозначались планы. Параллельно развивались и традиции: труппа открыла театральную студию в школе, поставила два новых спектакля и с блеском представила свою «Белоснежку» на фестивале в соседней Польше.

На месте сгоревшего склада (на деньги иностранного донора очередного проекта) обустроили долгожданный спортивный комплекс. Вдохновленные успехами интерната районное начальство профинансировало приобретение оборудования и сооружение бассейна. Внезапно появившиеся спонсоры снабдили сооружение сауной и гидромассажем.

В довершении всего новый владелец дрындовской недвижимости предложил Петру Марьяновичу взять особняк в аренду. Тот проконсультировался с Варварой, привлек председателя СПК и согласился. Планировалось открыть здесь агроусадебу. Благо рабочих рук хва-